

А. А. ЗИМИН

К изучению взглядов И. С. Пересветова

В № 1 журнала «Вопросы истории» за 1957 г. в разделе «Научные заметки» изложены соображения А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова о взглядах И. Пересветова.¹ Заметки обоих авторов вызваны в свет появлением ряда работ, посвященных творчеству Пересветова, и прежде всего новым изданием сочинений И. С. Пересветова.² Всестороннее обсуждение спорных вопросов истории русской общественной мысли середины XVI в. нужно всячески приветствовать. Тем большее недоумение вызывают заметки А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова. Пытаясь опровергнуть выводы ряда последних исследователей творчества Пересветова, оба автора становятся на путь произвольных домыслов и необоснованной критики своих предшественников.

Сочинения И. С. Пересветова сохранились в нескольких десятках списков, образующих две редакции (полную и неполную), которые распадаются на ряд изводов и видов. В издании этих сочинений и были опубликованы важнейшие списки, позволяющие представить эту сложную рукописную традицию. На основании текстологического анализа было установлено, что протографы (несохранившиеся оригиналы) обеих редакций независимо одна от другой восходят к авторскому тексту сочинений Пересветова, который лучше всего представлен в Музейном списке полной редакции.³

Ю. Ф. Сальникову все эти текстологические выводы, очевидно, кажутся непонятными. Он прежде всего удивляется, почему издатели «положили в основу публикации в качестве „полной редакции“ сочинения с именем Пересветова», содержащиеся в Музейном списке, ибо «по своей идейной направленности текст этой редакции отличается от текстов других редакций сочинений Пересветова» (стр. 123). Интерес Ю. Ф. Сальникова к текстологической стороне проблемы можно было бы только приветствовать, но, к сожалению, уже в самой постановке вопроса обнаруживается незнакомство автора с самыми основами текстологии. Что вызывает недовольство Ю. Ф. Сальникова: то ли, что в основу полной редакции положен Музейный список, или что в основу издания положена полная редакция? Редакция и список — это не одно и то же; полная редакция сочинений Пересветова представлена многими списками. По-видимому (поскольку о выборе списков при издании полной редакции автор в дальнейшем не говорит), Ю. Ф. Сальникова смущает, что «в основу издания» положена

¹ А. Л. Саккетти, Ю. Ф. Сальников. О взглядах И. Пересветова. — ВИ, 1957, № 1, стр. 17—124.

² См.: Сочинения И. Пересветова. Под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

³ Там же, стр. 95—96, 99, 119.

полная редакция. В этом случае он явно ошибается: достаточно ознакомиться с сочинениями И. Пересветова, чтобы убедиться, что там издана не одна редакция, а целый ряд списков, представляющих все основные редакции и виды. Кстати говоря, выводы самого Ю. Ф. Сальникова о Музейном списке, или полной редакции [автор говорит то о «редакторе списка», то «о незавершенности обработки (полной, — А. З.) редакции»],⁴ основаны не на текстологических соображениях, а исключительно на домыслах автора.

Исходя из наличия в сборнике ГБЛ Музейного собрания № 4469 некоторых посланий Курбского, Ю. Ф. Сальников предположил, что редактором полной редакции сочинений Пересветова был князь А. Курбский, проделавший «незавершенную обработку» пересветовских текстов (без Большой челобитной) перед побегом за границу (стр. 123).⁵ Ю. Ф. Сальников ссылается на то, что в Повести о падении Царьграда, помещенной в начале полной редакции сочинений Пересветова, «царь выступает в окружении патриарха, бояр». Все эти рассуждения лишены научных оснований. Прежде всего Послания Курбского восходят лишь к двум из 14 списков полной редакции, и уж, конечно, их наличие в сборниках не может доказывать редакторскую работу боярского публициста над сочинениями Пересветова. Никакого стилистического и идейного родства между полной редакцией и Посланиями Курбского Сальникову установить не удалось (кроме ссылки на наличие у Пересветова и Курбского полонизмов).

Известно также, что Повесть о падении Царьграда и Сказание о книгах имеются в различных вариантах не только в полной, но и в неполной редакции (в списке Оболенского, Барсовско-Никоновском и Хронографическом изводах). Так что появление этих памятников нельзя связывать с деятельностью составителя полной редакции, а следует относить к работе самого Пересветова. Это, конечно, не означает, что идейная направленность Повести о падении Царьграда, существовавшей в виде самостоятельного произведения уже к концу XV в., всецело соответствовала взглядам Пересветова, напротив, в ряде случаев наш публицист весьма сильно корректировал своего предшественника.

Неменьшие недоумения вызывают и размышления А. Л. Саккетти относительно некоторых моментов, касающихся биографии Пересветова. Так, по его мнению, публицист поплатился «за ту внешнеполитическую программу, которой он держался», в частности за то, что, по его мнению, задачей Русского государства было «идти на юго-восток против турецкого султана и его вассала, крымского хана» (стр. 119). У Пересветова отнюдь нет призыва Ивана IV к борьбе с турецким султаном (Магмет-салтан даже один из его любимых героев). По отношению к Крыму публицист рекомендует вести не наступательную, а оборонительную политику. Южные рубежи страны должны быть защищены особыми отрядами — стрельцов-воинников «огненного боя», которые должны препятствовать всем попыткам крымских ханов вторгнуться на Русь. Какие же есть основания у А. Л. Саккетти приписывать Пересветову программу активной борьбы с Турцией и Крымом?

Или вот другой пример чистого домысла. По мнению Саккетти, Пересветов усматривал в Магмете-салтане «тайного сторонника христианства,

⁴ О «редакторе списка» вообще говорит он, очевидно, по недоразумению, ибо все указанные им особенности характерны не для одного (Музейного) списка, а по крайней мере для всех или многих списков Полной редакции.

⁵ Ю. Ф. Сальников ни одним словом не обмолвился, почему он решил исключить Большую челобитную из «обработки» Курбского, хотя и это произведение помещено в тех же сборниках, где находятся и другие сочинения Пересветова.

что якобы и дало ему перевес над маловерными греками, предававшими веру отцов» (стр. 119). Это произошло потому, что публицисту, очевидно, «была известна молва о происхождении султана Магомета II от матери христианки» (стр. 119). Кстати, у Пересветова Магмет-салтан отнюдь не «тайный сторонник христианства» а лишь «веры христианьские из мысли не выпусти»,⁶ т. е. только думал о переходе в христианство. Но главное даже не в этом. Нет никакой надобности строить бездоказательные предположения о возможности знакомства Пересветова с молвой о том, что Махмед II «благоговейно чтит свою мать» (о матери турецкого султана в сочинениях публициста нет ни слова). Уже давно в литературе известны бытовавшие в XV—XVI вв. легенды о склонности завоевателя Константинополя к христианству.⁷ Их-то и имел в виду Пересветов, сообщая в своих трактатах о решении Магмет-салтана перейти в христианскую веру.

Сложнее обстоит вопрос о некоторых сторонах взглядов И. С. Пересветова. Нужно прямо сказать, что вопросы о близости публициста к реформационным течениям на Руси, об отношении его к ряду социальных явлений (в частности, к холопству и к кабальной зависимости) принадлежат к числу тех, которые нуждаются еще во всестороннем освещении. Однако нельзя не протестовать против тех методов полемики, которые применяют в своих «научных заметках» А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников.⁸ Оба автора пытаются доказать, что тезис В. Ф. Ржиги, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарева и А. А. Зимина о близости Пересветова к таким вольнодумцам, как Матвей Башкин, является следствием «модернизаторского истолкования идейной борьбы XVI века» (стр. 121), основан на «произвольном» толковании исторических источников (стр. 117). Остановимся на аргументации А. Л. Саккетти. Прежде всего совершенно недопустимо, что автор обошел молчанием всю систему моих доказательств, изложенных в специальной статье о Пересветове и русских вольнодумцах XVI в.,⁹ ограничившись несколькими замечаниями по введению к публикации сочинений этого публициста XVI в., хотя эта статья ему была известна (см. стр. 117). В названной статье разбираются специально данные, говорящие о близости социальных взглядов Башкина и Пересветова (резкое выступление против полного холопства и кабальной зависимости), отмечается критика публицистом монашеской жизни, отсутствие влияния сочинений «отцов церкви», представление Пересветова о «мудром монархе», «мудрых» философах и «дохтурах», высказываются соображения о связи дела Башкина с судьбою Пересветова и т. д. Обо всем этом А. Л. Саккетти умалчивает. Но вести научную полемику путем умолчания, конечно, нельзя.

Каковы же собственные представления А. Л. Саккетти? Он исходит из той мысли, что Пересветов не решился бы обратиться со своими проектами к Ивану Грозному, «если бы не был твердо уверен в согласии царя с его точкой зрения» (стр. 117). А так как, по мнению автора, для Грозного характерно «иосифлянство», то и Пересветов не мог быть вольнодумцем.¹⁰

⁶ Сочинения И. Пересветова, стр. 151.

⁷ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I, Pest, 1834, стр. 574.

⁸ Ряд справедливых замечаний в их адрес высказан А. И. Клибановым в его рецензии на издание «Сочинений И. Пересветова» (История СССР, 1957, № 3, стр. 206—208).

⁹ См.: А. А. Зими н. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века. — Вопросы истории религии и атеизма, III, М., 1955, стр. 311 и сл.

¹⁰ Кстати, А. Л. Саккетти возражает против характеристики Пересветова «как вольнодумца и еретика». Между тем в названных им работах говорится, что публицист лишь в отдельных случаях «доходит до еретических утверждений» (Сочинения И. Пересветова, стр. 25), что он был близок к М. Башкину, но отнюдь не достигал

Трудно согласиться с взглядом Саккетти на выдающихся русских мыслителей XVI в. как на царедворцев, раболепствующих перед Иваном Грозным. В действительности дело обстояло совершенно иначе. В середине XVI в., когда стоял вопрос о путях государственных преобразований, когда был создан специальный Челобитенный приказ во главе с Адашевым и Сильвестром, ряд видных деятелей выступил с критикой современной им действительности и с предложением серьезных общественно-политических реформ. Не боялся излагать царю смелые проекты преобразований Ермолай-Еразм. Не боялся и сам Пересветов писать Грозному о том, что в Московском царстве «правды нет».¹¹

Основное внимание А. Л. Саккетти уделяет разбору пересветовского афоризма «бог не веру любит — правду»,¹² считая, что он заимствован из Псалтыри Давида, где сказано «правден господь и правду возлюби» (стр. 117—118). Итак, ни о каком свободомыслии Пересветова, следовательно, говорить не приходится. Сравнение приведенных текстов не позволяет, однако, сделать такой вывод: никаких данных в пользу того, что публицист использовал в данном случае Псалтырь, даже Саккетти фактически не привел. Вместо этого он пытается Пересветову приписать мысль о том, что «бог любит не только „правду“, но не в меньшей степени любит он и веру» (стр. 118), тогда как публицист явно противопоставляет «правду» «вере», говоря, что бог любит не веру, а правду, ибо «правда сильнее всего».¹³ Этот тезис, безусловно, носил еретический характер, ибо он приводил к отрицанию «веры» как того основания, которым следовало руководствоваться в жизни. Понятие «правды», встречающееся в литературных памятниках XV—XVI вв.,¹⁴ созданных под воздействием реформационного движения, и у самого Пересветова нельзя сводить к церковно-каноническим представлениям. В самой общей религиозно-философской форме публицист говорит, что «истинная правда — Христос бог наш». оставивший «еуангелие правду».¹⁵ Как известно, не только Пересветов, но и все идеологи реформации пытались опереться на книги священного писания в борьбе с официальной церковью.¹⁶ Гораздо существеннее реальное содержание «правды» у Пересветова, которое сводится к совокупности реформ, осуществление которых должно привести к установлению справедливого (с точки зрения публициста) политического строя. Именно поэтому Магмет-салтан и ввел «великую правду во царство свое», проведя ряд преобразований в армии, финансовом и судебном аппарате.¹⁷

А. Л. Саккетти старается как-то преодолеть возникающие противоречия между своим стремлением рассмотреть «правду» Пересветова в кликальском аспекте и действительным содержанием этого понятия в сочинениях публициста. В связи с этим он выдвигает совершенно антиисторический тезис о том, что вообще «иудейскому и христианскому вероучениям присущ юридический характер» (стр. 119). О каких же христианском и иудейском вероучениях вне времени и пространства, вне их классового содержания можно говорить? Что за «юридический характер» приписы-

той степени критики официальной церкви, которая характерна для последнего (см., например: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века, стр. 314).

¹¹ Сочинения И. Пересветова, стр. 176.

¹² Там же, стр. 181.

¹³ Там же, стр. 182.

¹⁴ См.: М. Якубец, А. Новак. История чешской литературы, ч. 1. Прага, 1926, стр. 96.

¹⁵ Сочинения И. Пересветова, стр. 181.

¹⁶ См.: А. И. Клябанов. История СССР, 1957, № 3, стр. 206.

¹⁷ Сочинения И. Пересветова, стр. 154, 155.

вает этим вероучениям автор? А. Л. Саккетти находит и в учении о «правде» Пересветова также «юридическое мировоззрение» «иудейства и христианства», видя в этой правде начало «соответствия, соразмерности, заслуг и воздаяний за заслуги» (там же). Ничего подобного в сочинениях Пересветова нет. В подкрепление своего тезиса А. Л. Саккетти не может привести ни одного высказывания публициста о «правде».

Не меньше голословных заключений делают А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников, касаясь социальных взглядов Пересветова. Если верить Ю. Ф. Сальникову, то публицист в своем протесте против «порабощения» беспокоился главным образом о верхушке холопства («лучших людей»), той категории холопов, которые «прельщаются для светлые ризы» (стр. 122). Этот вывод строится на выхваченных из разных текстов отдельных выражениях публициста. В действительности же Пересветов неоднократно говорит о «порабощении земли» вообще, о порабощении людей во всяком царстве, о сочинении полных и докладных книг и т. д.¹⁸ Слова «лучшие люди» означают лишь то, что вельможами были порабощены «да же лучшие люди», не говоря уже о других холопах. Пересветов также предупреждает не только господ, но и тех, кто ради драгоценных одежд («светлых риз») готов перейти в холопство. Никаких особых категорий в составе холопов публицист в приведенных Ю. Ф. Сальниковым случаях не выделяет. Обращение с угрозой не только к холоповладельцам, а и к закабальемым показывает, что Пересветов не вполне понимал те тяжелые экономические условия, которые толкали многих крестьян и выходцев из других сословий на путь холопей зависимости. Отнюдь не стремление получить «светлые ризы», а обычно нужда заставляла их давать на себя полные или кабальные грамоты. Все это не мешало Пересветову резко осуждать рабство.

Ю. Ф. Сальников умалчивает о том, что публицист выступает не только против холопства, но и против кабальной формы зависимости. «Магмет-салтан», — говорит Пересветов, — не велел своим вельможам ни «прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно».¹⁹

Нельзя, кроме того, отождествлять взгляды Сильвестра и Пересветова на судьбы холопства, как это делает Ю. Ф. Сальников (стр. 121): в то время как благовещенский протопоп в практических целях перевел лишь своих холопов в разряд наемных людей, Пересветов выступил с теоретическим обоснованием необходимости повсеместной ликвидации холопства и кабальной зависимости.

Представления А. Л. Саккетти о социальных взглядах Пересветова не менее путанны, чем рассуждения Ю. Ф. Сальникова. Оказывается, публицист говорил «лишь о порабощении лиц свободного состояния», т. е. «о закабалении феодалами „служилых людей“, дворян и детей боярских» и о «полоняниках» (стр. 118). Конечно, Пересветов, уделявший в своих проектах реформ значительное место «воинникам» и их положению, особое внимание уделяя пагубному влиянию существования рабства на организацию военной службы. Однако этим дело не ограничивалось. Публицист прямо заявил: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскудение великое».²⁰ Ни в этом случае, ни в рассказе об уничтожении Магметом-салтаном полных и докладных книг Пересветов не ограничивается осуждением закабаления дворян: он прямо и недвусмысленно выступает против холопства и кабалы

¹⁸ Сочинения И. Пересветова, стр. 157, 181 и др.

¹⁹ Там же, стр. 157.

²⁰ Там же, стр. 181.

вообще, повторяя аналогичные высказывания Матвея Башкина. Публицист приводит апокриф о «записи», которую якобы взял дьявол с Адама. По мнению Саккетти, «образ „записи или кабалы“ присоединяет совершенно невинную прибавку» к «чисто христианскому догмату о спасении христианином рода человеческого» (стр. 119). Нет, не о «невинной прибавке» идет речь, когда Пересветов из апокрифа делает вывод: «которые записывают в работу веки, прелщают и дияволу угождают»,²¹ тем самым объявляя порабощение результатом злокозненных действий дьявола.

Делая окончательный вывод о том, что никакого свободомыслия у Пересветова не было, Саккетти ссылается на то, что слова публициста «не веру бог любит, а правду» не были поняты современником как свободомыслие (стр. 119). Но это утверждение не совсем точно. В «Сказании о Петре», памятнике начала XVII в., основанном на Большой челобитной Пересветова, систематически опускаются как раз все те суждения публициста, которые были сомнительными с точки зрения ортодоксального православия (в частности о том, что «не веру бог любит, а правду», «правду бог любит сильнее всего», апокриф об Адаме и т. п.).²² То же самое можно наблюдать и в другой переделке пересветовских сочинений — в Хронографе 1617 г. По хронографу оказывается, что турецкий султан хотел сжечь греческие книги, а не руководствоваться ими в своей деятельности. Автор хронографической переделки опускает выражение о том, что «бог любит правду лутчи всего», всю критику полного и кабального холопства и т. п.

Итак, вопреки А. Л. Саккетти можно сказать, что русские публицисты начала XVII в. сумели понять лучше, чем некоторые позднейшие исследователи, отступления Пересветова от ортодоксальных точек зрения как по некоторым религиозным, так и по социальным вопросам.

*

Совсем недавно А. Л. Саккетти выступил с рецензией на мою монографию о И. С. Пересветове,²³ где дополнил свои критические соображения новыми, но, к сожалению, снова обошел молчанием важнейшие аргументы по спорным вопросам, а также те возражения, которые я ему сделал в книге.²⁴

А. Л. Саккетти сожалеет, что в книге «не охарактеризованы хотя бы кратко общественно-политические порядки стран, которые были известны И. С. Пересветову, а именно: Турецкой империи, Венгрии, Молдавии, Богемии, Польши и Литвы» (стр. 203). Это не вполне соответствует действительности. Об особенностях строя Польши и Великого княжества Литовского, о взаимоотношениях Польши с Венгрией я говорю специально на стр. 278—279, 314—324 своей книги, о Молдавии — на стр. 281—282, 323, о Турции XV—XVI вв. рассказывается на стр. 273—276 и делается вывод о том, что Пересветов «был осведомлен в вопросах, касающихся строя Османской Турции и положения на Балканах». Может быть, этот

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 336.

²³ А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

²⁴ А. Л. Саккетти. Из истории русского права. — Вестник Московского университета, серия экономики, философии, права, 1959, № 3, стр. 203—206. — А. Л. Саккетти продолжает критиковать «предположение А. А. Зимина относительно ереси И. С. Пересветова» (стр. 206), хотя в книге неоднократно говорится лишь о том, что публицист только «приближался к представителям реформационного движения» (А. А. Зимин, ук. соч., стр. 393, 395 и др.). Он снова говорит, что якобы «одна только фраза „не веру бог любит — правду“ служит основанием А. А. Зимину отнести И. С. Пересветова к числу еретиков» (А. Л. Саккетти. Из истории русского права. стр. 204).

материал нужно было бы расширить, но сказать, что его вовсе нет, будет несправедливым.

«Главный же упрек», который делает мне А. Л. Саккетти, состоит в том, что мною «не отмечена враждебность реформационных движений государственной централизации» (стр. 204). Но достаточно вспомнить реформацию в Англии, Дании, Швеции, в ряде немецких княжеств, чтобы убедиться, что абсолютизм широко использовал реформационные учения в своекорыстных интересах. Да и в шляхетской Польше виднейший публицист Андрей Фрич-Моджевский, творчество которого напоминает Пересветова, был и сторонником реформации и поборником централизации. Утверждение о том, что «вообще дворянству в XVI—XVII вв. свойственно было не уклоняться в ересь» (стр. 205), нуждается в большом ограничении, так как известно, что «еретики» Матвей Башкин и Боровы были по своему социальному положению детьми боярскими.

Далее, А. Л. Саккетти считает, что я без критики опираюсь на высказывание Вернера Филиппа о якобы «чисто светском» характере понимания «правды» у Пересветова. Но на стр. 396 я не опираюсь на Филиппа, а даю лишь общую историографию вопроса, после чего перехожу к анализу самих пересветовских текстов. Основной мой тезис сформулирован на стр. 400. Здесь говорится, что «правда», по мнению И. С. Пересветова, — «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму... публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание». Это сильно отличается от того формально-юридического предствления о «правде», которое находим у Вернера Филиппа. Если уж говорить о Вернере Филиппе, то скорее можно вспомнить, что именно Филипп выступал против возможности сопоставления взглядов Пересветова с Башкиным,²⁵ т. е. придерживался в данном случае точки зрения, сходной с мнением А. Л. Саккетти.

Досадным недоразумением является апелляция А. Л. Саккетти к судьбе пересветовского поместья. Если бы Пересветов был изобличен в ереси, то поместье его, по мнению А. Л. Саккетти, «было бы конфисковано и не перешло к его наследникам» (стр. 205). Поместье Пересветова от обид вельмож запустело еще до подачи им челобитных, а о дальнейшей судьбе этого владения у нас вовсе никаких сведений нет.

А. Л. Саккетти считает, что Пересветов выступал не вообще против полного кабального холопства, а против похолопления дворян. Хорошо, допустим, что так. Но тогда зачем же говорить о согласованности взглядов Пересветова с отпуском несвободных слуг по духовным завещаниям? Одно утверждение явно противоречит другому. Такое же несоответствие получается и дальше. А. Л. Саккетти ссылается на то, что Мехмед II и Петр Рареш «никогда не являлись сторонниками освобождения крестьян и дворовых», хотя в их уста Пересветов вкладывает слова об освобождении свободных людей от «порабощения». Но здесь же сам Александр Ливериевич считает, что Пересветов «охотно свои планы и советы излагает в виде мнений и заключений некоторых исторических личностей — султана Магомета II или волошского воеводы Петра Рареша» (стр. 206). Тогда зачем же ссылаться на то, что реальный Мехмед II и Петр Рареш не были противниками холопства?

²⁵ W. Philipp, Ivan Peresvetov und seine Schriften über die Erneuerung des Moskauer Reiches. Berlin 1935, стр. 27.

В последнее время все чаще и чаще исследователи начинают говорить об элементах гуманистического мировоззрения в сочинениях Пересветова. Сошлюсь, в частности, на доклад академика М. П. Алексева на Славянском конгрессе, на работы Н. К. Гудзия и некоторые другие. Возражая против этого, А. Л. Саккетти считает, что заявление Пересветова о «грозе» свидетельствует скорее о суровости, нежели о «гуманности» публициста (стр. 206). Но здесь явно смещены понятия: гуманизм и гуманность.

Совсем недавно академик С. Д. Сказкин подчеркнул, что основной чертой нового гуманистического мировоззрения является индивидуализм. С. Д. Сказкин также отмечал «склонность гуманистов к сильной власти».²⁶ Если мы вспомним пересветовский образ мудрого монарха, который стремится ввести в своей стране «правду», опираясь на советы философов и на греческие книги, то наша попытка найти в сочинениях русского публициста середины XVI в. элементы гуманистического миропонимания не покажется столь уж неожиданной.

Конечно, еще многое в творческом наследии И. С. Пересветова, принадлежащего к числу самых выдающихся русских мыслителей XVI в., остается недостаточно изученным. Не все позитивные решения спорных вопросов, предложенные автором в настоящей краткой статье, как и в других его работах, окончательны. Важно подчеркнуть лишь то, что вести хоть сколько-нибудь серьезную дискуссию о взглядах Пересветова методами А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова невозможно: ни произвольные домыслы, ни умолчание об аргументации, содержащейся в критикуемых работах, ни поверхностное сопоставление случайно подобранных отрывков из источника не могут содействовать решению спорных вопросов истории русской общественной мысли XVI в.

²⁶ С. Д. Сказкин. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. — В кн.: Средние века, в. XI. М., 1958, стр. 136, 141.